

Теоретическое и/или полифоническое мышление

В.П. Зинченко*,

доктор психологических наук, профессор Института общего среднего образования РАО и кафедры общей и экспериментальной психологии Высшей школы экономики

Статья посвящена 80-летию выдающегося психолога и педагога – В.В. Давыдова, разрабатывавшего (совместно с Д.Б. Элькониным) психологические основы и педагогическую практику развивающего образования. Центром разработанной ими программы было развитие теоретического мышления и формирование у школьников готовности к мысли и способности к понятийному мышлению. В статье сделана попытка применить развитые В.В. Давыдовым представления о теоретическом мышлении к анализу мышления как такового. Наибольшее внимание уделено рефлексии и интуиции.

Ключевые слова: мышление, мысль, переживание, умные эмоции, эмоциональный интеллект, интуиция, рефлексия.

*Независимость мысли от государства –
вопрос государственной важности.
С.С. Аверинцев*

Более полувека тому назад Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов задумали создать систему развивающего обучения. Акцент в обучении они решили поставить на развитии мышления, исходя при этом из бесспорного тезиса, ярко обрисованного Э.В. Ильенковым: «Школа должна учить мыслить» [23]. Сейчас трудно сказать, почему авторам замысла этого показалось недостаточно. Возможно, они чувствовали, что советское время – «не сезон для мыс-

ли» (выражение А.М. Пятигорского) и поэтому поставили более безопасную с идеологической точки зрения задачу: развитие теоретического мышления у детей начиная с младшего школьного возраста. Подобная экзотика, во всяком случае, сразу, не могла вызвать противодействия со стороны идеологически озабоченной власти. А возможно, в этом не было лукавства. Но, скорее всего, Даниил Борисович понимал и принимал такую задачу как «дымовую завесу», но не разочаровывал своего молодого коллегу, увлеченного (не без влияния все того же Э.В. Ильенкова) философской проблематикой диалектического мышле-

* zinchRAE@yandex.ru

ния. В.В. Давыдов действительно верил в возможность формирования и развития теоретического мышления у детей. Впрочем, и с этой его верой было не так просто. В.А. Петровский рассказал мне, как после одного публичного выступления на вопрос: «Верите ли Вы, что развитие теоретического мышления станет повсеместным во всех школах СССР?» В.В. Давыдов ответил: «Я – реалист». Так или иначе, но В.В. Давыдов резко противопоставил теоретическое (разумное) мышление эмпирическому (рассудочному) и направил свои усилия на разработку концептуальной схемы и приемов учебной деятельности, адекватных задачам формирования у школьников теоретического мышления.

Я несколько десятилетий пристально наблюдал за жизнью 91-й московской школы (ее оканчивал мой сын), где проходил и продолжается эксперимент, но не слышал, что ее выпускники стали видными теоретиками, т.е. создателями теорий (справедливости ради скажу, что экспериментаторы подобного результата не обещали). Не уверен также, что учащиеся этой школы учили именно теоретическому мышлению, но то, что у них формировалась учебная деятельность, готовность к мысли и способность думать мыслями, а не памятью или накалом воспитанных чувств, несомненно (см.: [15]; [19]; [20]). Однако и сделанного учеными и работающими под их руководством сотрудниками и учителями было достаточно для того, чтобы последовали агрессия и постыдные санкции в их адрес со стороны «инстанций» и «родной» Академии педагогических наук СССР. Последовали и оргвыводы. Вся эта постыдная история описана самим В.В. Давыдовым в интервью, данном Жаку Карпею – голландскому психологу [24].

* * *

Казалось бы, прежде чем нечто формировать, нужно не только знать, что оно собой представляет, т.е. иметь теорию этого, как минимум – образ. Но сказанное верно лишь в теории, а на практике происходит иначе. А.А. Ухтомский не без иронии заметил, что человек сначала научается хо-

дить, а потом задумывается, как ему это удалось. Если задумывается... Чемпионы мира по спортивной ходьбе едва ли имеют ее теорию. В лучшем случае – образ, а образ у каждого свой. Несмотря на замечательные исследования Н.А. Бернштейна и его последователей, теории ходьбы не имеет и наука. В лучшем случае – теорию шага. Первый учитель В.В. Давыдова – П.Я. Гальперин, разрабатывая теорию и практику формирования умственных действий у школьников, не слишком заботился, что такое умственное действие как таковое. То же самое произошло и с формированием мышления. В психологии нет общепринятой теории мышления. То, что называют теориями мышления, скорее всего, представляет собой его более или менее полные и адекватные предмету образы. Приведу один из лучших образов мышления, принадлежащий В. Гёте. Он видел в познании и мышлении «бездну чаяния, ясное созерцание данного, математическую глубину, физическую точность, высоту разума, глубину рассудка, подвижную стремительность фантазии, радостную любовь к чувственному» (см.: [31]). Мне кажется, что В. Гёте нарисовал свой автопортрет. Довольно трудно представить себе исследователя, который взялся бы за изучение такого невероятного оркестра (органа), каким было мышление великого поэта, мыслителя, ученого. Еще труднее представить себе учителя, даже коллектив, который бы взялся по этому образцу формировать полифоническое мышление у своих питомцев.

А что же с теорией мышления? Думание о думании намного труднее, чем думание о ходьбе. Последняя, по крайней мере, очевидна и ее можно зарегистрировать со всей мыслимой на сегодня биомеханической и психофизиологической точностью. В отличие от ходьбы мышление не дано постороннему наблюдателю, да и думающему оно дано лишь крайне фрагментарно. Самую точную характеристику мышления (при всей ее лапидарности) дал К. Дункер: мышление – это процесс, который посредством инсайта (понимания) прихо-

дит к адекватным ответным действиям. Ее несомненным достоинством является научная добросовестность и честность автора. Он не делает вид, что знает, что такое инсайт.

В. В. Давыдов разумно удержался от определения мышления как такового. Он отмежевался от его характеристики как мыслительной деятельности, указав ему место лишь в качестве особого компонента общей структуры деятельности, обслуживающего осуществление других ее компонентов [13, с. 28]. При этом он сохранил в своем тезаурусе понятия «умственная деятельность», «умственное действие» и даже «мыслительная деятельность». Что делать? Воспитаннику и последователю психологической теории деятельности никуда от нее не деться. Так что, может быть, в выборе в качестве объекта формирования теоретического мышления как одного из его многочисленных видов и форм было меньше лукавства, чем я предположил в начале этого текста.

Видимо, общее правило состоит в том, что обнаружить и указать признаки того или иного вида некоторого неизвестного целого значительно легче, чем определить само это целое. В. В. Давыдов поступил именно таким образом. Не определяя, что такое мышление, он выделил самые существенные, с его точки зрения, логические признаки (акты) теоретического мышления. Первоначально В. В. Давыдов идентифицировал теоретическое мышление с понятийным и много сил уделял формированию понятий, в частности, понятия числа у младших школьников. Затем он расширил число признаков теоретического мышления. Такими признаками он считал:

- *содержательное обобщение и анализ* как способ выявления генетически исходной основы некоторого целого;

- *рефлексию*, благодаря которой человек постоянно рассматривает основания своих собственных мыслительных действий и тем самым опосредует одно из них другими, раскрывая, таким образом, их внутренние взаимоотношения.

Наконец, теоретическое мышление осуществляется в плане мыслительного эксперимента, для которого характерно выполнение человеком такого мыслительного действия, как *планирование*» [13, с. 69].

Забегая вперед, скажу, что генетически исходная основа ставшего, развившегося, сформированного целого, о необходимости поиска которой говорил В. В. Давыдов, тоже ведь должна быть целостной, т. е. некоей первичной интегральностью. Это известный сюжет К. Маркса, о котором применительно к психологии и физиологии писали Н. А. Бернштейн, Л. С. Выготский и С. Л. Рубинштейн. (Я не обсуждаю сейчас возможности и сложности несимметричных попыток выведения и сведения одного целого к другому.)

Характеристика (образ) теоретического мышления в версии В. В. Давыдова приведена не случайно. Мне хотелось бы испытать, может ли теоретическое мышление послужить в роли инструмента для понимания мышления как такового. Сначала посмотрим, насколько специфичны выделенные автором его черты. Начнем с *содержательного обобщения*.

Обобщенность, осмысленность входят в качестве неперенных признаков образов (и представлений). Образы приобретают качества предметных значений. Их чувственное содержание обобщается. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что для восприятия существенно единство целого и частей, единство анализа и синтеза. Чтимый В. В. Давыдовым Карл Маркс говорил об органах чувств-теоретиках. О. Мандельштам считал глаз орудием мышления. Было бы опрометчивым отказывать обобщенным образам восприятия, памяти, равно как и обобщенным умениям, навыкам в содержательности.

Обратимся к *планированию*, которое является неперенным условием *разумного* мышления. Согласно И. Канту, разум видит только то, что сам создает по своему плану. Вместе с тем, планирование может быть компонентом любого, а не только мыслительного действия. Да и создание

плана (особенно разумного) само предполагает наличие мышления. В особо сложных случаях оно может быть особой деятельностью (вспомним советский Госплан), включающей в себя (в соответствии с логикой В.В. Давыдова) мышление в качестве компонента. Надо ли говорить, что нередко планирование ведется даже без этого компонента. Что касается *мысленного эксперимента*, то без него не обходится никакое мышление, в том числе эмпирическое.

Следующий признак – *рефлексия*. Здесь можно согласиться с автором, однако требуется более развернутая спецификация этого феномена применительно именно к теоретическому мышлению. К тому же рефлексия рефлексии рознь. Слишком многочисленны ее трактовки (В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий, Н.Г. Алексеев, Э.Г. Юдин, А.М. Пятигорский, В.К. Зарецкий, И.Н. Семенов и многие другие). Ближе всего к учебной деятельности и теоретическому мышлению подходит трактовка рефлексии, предложенная Г.А. Цукерман (см.: [34]; [35]; [36]). Замечательную характеристику рефлексии дал И. Бродский: рефлексия – это постскрипtum к мысли. Но она же может выступать в роли постскриптума к рефлексу (рефлекс – и – я) и действию. Постскрипtum к мысли ли, к действию ли не будет иметь смысла, если он одновременно с этим не будет прескриптумом к следующей мысли или следующему действию. Редко обращается внимание на то, что рефлексия носит не только интеллектуальный, но и (возможно даже в большей степени) эмоциональный характер. В процессе развития эмоциональная оценка сдвигается от конца к началу и приобретает характер эмоционального предвосхищения (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец), т.е. становится «прескриптумом» к действию, в том числе и к интеллектуальному. Имеются формы рефлексии без «я». Эффекты такой процессуальной фоновой рефлексии обнаружены не в конце действия и не в начале, а по ходу его протекания. Они случаются до 3–4 раз в секунду [10]. Эффекты быстрой рефлексии наблюдал и В.А. Лефевр. Неясно, возможна ли

рефлексия внутри мысли, если, конечно, не считать действие мыслью. Так или иначе, но рефлексия может быть принята в качестве признака теоретического мышления.

Разумеется, рассмотренные выше признаки могут характеризовать теоретическое мышление, но они не являются его специфическими признаками. Видимо, главным признаком теоретического мышления для В.В. Давыдова был *анализ*, но не всякий, а позволяющий выявить генетически исходные основы некоторого целого. П.А. Флоренский назвал такой мыслительный прием «выявлением корней». Вспоминая детство, он писал:

Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла всё мышление и определила основной характер его – стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали» [31, с. 99].

Едва ли можно сомневаться в том, что П.А. Флоренский обладал теоретическим мышлением, хотя, скорее, его мышление, как и сознание, было полифоническим. Важнее то, что оно выросло из «привычки зрения», из живого созерцания природы, предметного действия и до-теоретического живого знания. Не буду возражать и против этого признака, хотя выявление генетически исходных основ или корней слишком часто не дается никакому мышлению, разве что мифологическому: происхождение Вселенной, происхождение солнечной системы, происхождение жизни, происхождение человека, его сознания, мышления и т.д. – остаются тайной. К тому же познание (или избыток нередко нелепых гипотез) происхождения всего перечисленного не мешает изучению уже созревших или ставших форм. В таком изучении теоретическое мышление (видимо, в более широком его понимании) не менее необходимо, чем при изучении их происхождения и становления. Г.Г. Шпет неоднократно высказывал сомнения (порой иронично) по поводу объяснений, основанных на «найденных корнях»:

Как чумы или глупости надо <...> бояться и остерегаться в особенности теорий, по-

хваляющихся «объяснить» одно из другого, «происхождение» смысла разумного слова из бессмысленного вопля, «происхождение» понимания и разума из перепуганного дрожания и ослабленной судороги протоантропоса. Такое «объяснение» есть только занавешивание срамной картинкой нашего неведения [39, с. 213].

К подобным сомнениям следует прислушаться, ибо в развитии живого не менее важны акты превращения, претворения, обращения, рождения нового, чем сохранение старого. Протест Г. Г. Шпета распространялся и на проблему происхождения мысли:

Оставляя в стороне, по причине их вздорности, все теории происхождения, в том числе и теорию происхождения мысли из чувства, признаём, что *поводом* для мысли является все же именно чувственно данное. Оно – трамплин, от него мы вскидываемся к «чистому предмету». Так мы ходим как по вершинам гор – не нужно смотреть вниз, иначе начнется головокружение [там же, с. 221].

Дополню сказанное Шпетом высказыванием А. Бергсона: мышление и мысль могут парить как угодно высоко, но, будучи брошены на поле действия, они должны опуститься на ноги.

Итак, примем тезис В. В. Давыдова о необходимости выявления генетических оснований для анализа, что такое мышление и мысль. Разумеется, принятие этого тезиса вовсе не означает, что *мое* мышление о мышлении непременно будет теоретическим (я все же не проходил школы теоретического мышления у моего друга В. В. Давыдова).

Поскольку мышление – это движение мысли, с нее и начнем. Если мы спросим себя, что означает торжественное слово «мысль», то обнаружим слишком широкое его употребление. Все, что «взбредет» в голову, называется мыслью. Многие мысли приходят к нам не спросясь, как бы издавека, что справедливо и для чувств. Выдающийся российский математик Ю. И. Манин в 1987 г. провел эксперимент: сел на

старом Арбате с картонкой с надписью «покупаю оригинальные умные мысли по цене 15 коп. штука» – и стал ждать предложений. Урожай оказался скромным: «маленький мальчик долго стоит, шевеля губами, наконец, отходит, высказавшись: “Это сколько же мыслей надо, чтобы машину купить!”».

Мысль мысли, действительно, рознь.

Есть «великая мысль Природы», есть божественная или боговдохновенная мысль, счастливая мысль, умная мысль.

Есть Человеческая глупость, Безысходна, величава (А. Блок).

Есть мысли сатанинские, темные, черные, задние.

Есть мысли ясные, светлые, прозрачные, глубокие и есть вздорные, смутные, туманные, легковесные, мелкотравчатые, приходящие наобум.

Есть мысли живые, уместные, своевременные и мертворожденные, запоздалые, как сожаления.

Есть мысли вялые, анемичные, тупые и мысли острые, энергичные, пронизательные.

Есть мысли высокие, благородные, добрые и есть – низкие, корыстные, злые.

Есть свободная мысль – мысль-поступление, поступок и есть *плененной мысли раздражение*, т. е. мысли блуждающие, малодушные, несмелые, отличные от мыслей законопорожденных, уверенных (хорошо бы – не самоуверенных).

Есть мысли трагические, абсурдные. И есть мысли самоуправные, порой назойливые, они сильнее нас, от них очень трудно избавиться.

Здесь мы сталкиваемся с забавным парадоксом: человек ведь не только весь уникален. В нем уникально всё: от отпечатка пальца и радужной оболочки до каждого выполняемого им движения, произнесенного слова. Последние с абсолютной точностью не воспроизводимы даже им самим. Он всё делает как будто впервые. Исключая мысль. Если мысль пришла человеку в голову, то в подавляющем большинстве случаев можно быть уверенным, что она приходила в голову другим людям. Мы

без большого труда можем «помыслить» любую чушь, но оригинальная мысль по заказу не приходит. Она есть событие бытия (М. М. Бахтин).

Дж. Дьюи в книге «Психология и педагогика мышления» дает полезное определение не расхожей, а, условно говоря, строгой мысли:

В теснейшем смысле мысль означает уверенность, покоящуюся на каком-либо основании, т. е. действительное или предполагаемое знание, выходящее за пределы того, что непосредственно дано. Оно обозначается как признание или непризнание чего-либо как разумно возможного или невозможного. Эта степень мысли включает, однако, два настолько различных типа уверенности, что хотя их различие только в степени, а не в роде, но практически необходимо рассматривать их отдельно. Иногда наша уверенность возникает без рассмотрения оснований; в других случаях она возникает потому, что исследуются основания.

Обращу внимание на то, что хотя Дж. Дьюи характеризует мысль, но по существу он говорит о работе мышления с мыслью, о том, что мышление, в отличие от веры, есть выявление и исследование оснований, на которых покоится (или беспокоится) мысль. У В. В. Давыдова работа с основаниями – генетическими или собственной мысли – главное в теоретическом мышлении. Существенно также и то, что «уверенность», «признание», «непризнание», о которых говорит Дж. Дьюи, – это уже не только мысль, а чувство, которое входит в его определение мысли. Многие мысли, продолжает Дьюи:

.... возникают бессознательно, безотносительно к достижению правильного мнения. Как они приобретаются, мы не знаем. Из темных источников, неизведанными путями они достигают сознания и становятся частью нашего духовного багажа. Традиция, воспоминание, подражание – все то, от чего зависит авторитет во всех его формах или что вызывает к нашему личному благополучию, или удовлетворяет сильной страсти – все это

вызывает их. Подобные мысли являются предрассудками, т. е. предвзятыми суждениями, а не рассуждениями, основанными на рассмотрении очевидного [14, с. 8–9].

Подобной мысли люди учатся и весьма успешно помимо школы. Но как научиться тому, чтобы мысли приходили к нам как божьи дети и говорили: «Вот мы здесь!». Так описывал приход мыслей В. Гёте. К сказанному можно добавить, что мысли приходят неизвестными (даже им самим) путями. Их приход непредсказуем во времени. Далее, мы встретимся с еще более странным утверждением, что мысль возникает раньше мышления. Это не противоречит тому, что мысль может быть и результатом мышления, в том числе и теоретического.

Мысль, независимо от ее истинности или ложности, проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии, то в поступке, то во всем этом вместе и еще в чем-то неуловимом, таинственном, хотя, возможно, именно это неуловимое и есть самое существенное и интересное в мысли. Л. С. Выготский говорил, например, о «молниях спинозовской мысли». Это значит, что мысль возникает, освещает и поражает, как молния (и автора и готового ее воспринять человека). В. В. Бибихин говорит о мышлении А. Ф. Лосева:

Есть *инструмент*, который высекает искры, встречаясь с чем бы то ни было. Какие искры может быть даже неважно. Нет системы. Есть какой-то *внутренний кремь* [3].

(Не является ли отсутствие системы условием думания о разном, в том числе и условием создания из «сора» стихов, из «разного» систем?) Как схватить мысль, как ее удержать? А удержав, оценить, чтобы потом самому держаться мысли или стоять в мысли? Едва ли кто-нибудь может вразумительно ответить на вопрос, что такое мысль и каков механизм ее возникновения. Метафоры, конечно, дают об этом некоторое представление, но пока еще далекое от понимания.

Важна не столько однозначность и определенность ответов на эти вопросы, сколь-

ко наличие интенции узнать, понять, увидеть нечто, стоящее за ситуацией или за мыслью. Возникновение подобной интенции есть первый признак подлинной мысли, отличающейся от того, что «взбредет в голову», от мнения. «Увидеть за...» следует понимать в двух смыслах. Первый – увидеть то, что стоит за ситуацией, за очевидностью. Если это удастся, тогда можно «стоящее за...» с такой же очевидностью представить себе и другим или непосредственно использовать в деятельности. Это и есть мышление. Второй смысл – увидеть то, что стоит за мыслью, это уже есть думанье о думании, которое требует отрешения (Г. Г. Шпет), отстранения (В. Б. Шкловский) рефлексии от ситуации и представление мысли как объекта рефлексии, или помещение мысли в разряд объектов исследования (Э. Гуссерль). Увидеть за мыслью – это интеллектуальная рефлексия по поводу мысли, ее постскрипtum, как сказал И. Бродский, начало ее обоснования, доказательств. (По Давыдову – обоснование выявленных оснований.)

Перечислим, не оценивая, некоторые ответы на вопрос, что стоит за мыслью. Декарт увидел за мыслью или в мысли состояние очевидности, в том числе и собственного существования. У. Джеймс увидел за мыслью сырой поток нашего чисто чувственного опыта. И. М. Сеченов увидел за мыслью не только чувственные ряды, но и ряды личного действия. Психолог У. Блон увидел за мыслью фрустрацию, вызванную незнанием. А. М. Пятигорский увидел за мыслью интерес, определил интересное как то, что раздражает мысль здесь и сейчас, а не останавливает мышление, не дает мысли остаться в привычных клише, склоняет человека к забвению его убеждений. М. К. Мамардашвили увидел за мыслью (или в мысли) собственнолично присутствующие переживания, добавив, что акт думания есть часть испытания нами нашей судьбы. А. Эйнштейн увидел за мыслью зрительные образы и даже некоторые мышечные ощущения, т. е. некоторые совершенные им действия. В терминах М. М. Бахтина, А. Эйнштейн испы-

тывал ощущения порождающей активности. А. Белый увидел за мыслью движение и ритм. А. В. Запорожец увидел за мыслью предметно-практическое действие. Л. С. Выготский увидел за мыслью слово и к тому же еще аффективную и волевую тенденции. Г. Г. Шпет увидел мысль за словом и слово за мыслью, слово в мысли и мысль в слове.

Конечно, не всякое слово осмысленно, или, как сказал Г. Г. Шпет, омысленно, не всякая мысль выразима, по крайней мере, легко выразима словесно. Выражение мысли – трудная работа. Продолжим наш перечень. Э. Клапаред *увидел* за мыслью молчание, сказав, что размышление стремится запретить речь. Математик Ж. Адамар, специально исследовавший процесс творчества великих физиков XX в., это подтвердил: «Слова полностью отсутствуют в моем уме, когда я действительно думаю» [1, с. 72]. Р. М. Рильке сказал об этом по-своему: *мудрецы ... превратили в слух свои уста*. М. М. Бахтин *увидел* в мысли интонацию:

...действительно поступающее мышление есть эмоционально волевое мышление, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли» [2, с. 36].

Х. Ортега-и-Гассет *увидел* за мыслью глубины души:

Зрачки моих глаз с любопытством вглядываются в глубины души, а им навстречу поднимаются энергичные мысли [27, с. 93].

Он видел за мыслью не только любопытство, но и живую страсть понимания, благодаря которой может возникнуть рядка, молниеносное озарение понимания. Давно известно, что такое озарение сопровождается чувством полной уверенности в его достоверности, т. е. состоянием той же Декартовой очевидности. То, что Декарт называет очевидностью, М. Пруст называет радостью. О. Мандельштам *увидел* за мыслью семантическую удовлетворенность, равную чувству исполненного приказа. И. Бродский *увидел* за мыслью

мысль: люди думают не на каком-то языке, а мыслями. Замечательно об этом же сказал А. С. Пушкин: *думой думу развивает*.

Эти удивительные заявления поэтов разьяснил О. Манделъштам:

Сейчас, например, излагая свою мысль по возможности в точной, но отнюдь не поэтической форме, я говорю, в сущности, сознанием, а не словом [26, с. 168].

Заметим: все же *говорю* сознанием. По-своему говорит об этом же М. К. Мамардашвили: *думание всегда больше подуманного*. И поэтому можно подумать подуманное. Не забыты душа и слово. Как изображает Платон в «Теэтете», душа сама с собой ведет речь о том, что она рассматривает; размышляя, она именно говорит с собою, самое себя спрашивает, утверждает, отрицает. Здесь утверждается та же сократическая, диалогическая природа мышления и мысли.

Завершу этот перечень красивым и таинственным указанием И. Канта:

Душа (не речь), преисполненная чувства, есть величайшее совершенство.

М. К. Мамардашвили комментирует это следующим образом:

Кант, конечно, не имеет в виду чувствительную душу. Он имеет в виду состояние человека, который максимально долго находится в напряжении, в состоянии интенсивности восприятия и концентрации мышления. Кант понимал, что само явление души, полной чувств, в мире есть чудо и невероятное событие. Ведь часто там, где мы должны мыслить, мы тупо стоим перед вещами и смотрим на них... [25, с. 9].

Значит, за мыслью – состояние преисполненной чувств души. Оно-то и порождает событие мысли. Но как власть в это состояние? Как из него не выпасть? Кант признавал, что мышление может уставать от напряжения и быть не способным из-за усталости это напряжение держать. Думать, действительно, трудно. Как и во всяком деле, лиха беда – начало: кто думал, тот всегда будет думать, и ум, раз попробовавший мыслить, не может остаться в покое, – говорил Ж. Ж. Руссо.

Читатель сам умножит подобные примеры. О чем они говорят? Едва ли эти разные, порой полярные взгляды на то, что находится за мыслью, можно принять за фантазии, ошибки или иллюзии самонаблюдения. Скорее наоборот: все перечисленные мыслители, ученые, поэты по-своему правы, и за мыслью стоит весь человек, все силы его духа, души и тела: не только интеллект, но и воля, и страсть. Такое заключение, конечно, бесспорно, но оно слишком общё. Можно об этом же сказать другими словами. Существенная мысль (не вздорная) по своему происхождению гетерогенна. Если есть «голод мысли», она не слишком разборчива. Ее питает все перечисленное. А по своему строению мысль гетерономна, она синтезирует то, что ранее было отдельным и далеким, например, в понятии «активный хронотоп» А. А. Ухтомский не просто соединил время и пространство. В нем синтезированы объективное пространство и субъективированное время или объективное время и субъективированное пространство. М. К. Петров называл такой *гетерономный синтез* бисоциацией (термин А. Кестлера) или мультисоциацией, построенной из кодов субъективной и объективной матриц [28, с. 38 и сл.]. Кантовский гетерономный синтез или мультисоциацию можно назвать и полифонией мысли.

Гетерогенез, гетерономность, полифония и другие возможные свойства мысли вовсе не мешают поискам специфической связи мысли с чем-то, без чего она в принципе существовать не может. Согласно Г. Г. Шпету, таким «чем-то» является слово. Именно оно является *principium cognoscendi* – основанием познания. Всякая мысль содержит хотя бы эмбрион словесности.

Пока мы переживаем, испытываем впечатления бытия, от нас не требуется ни особого умения «страдать», ни особого умения ума – активно вмешиваться в «опыт»: раз захватив нас, поток жизни несет нас с собою. <...> Уже просто для того, чтобы остановить на миг переживание перед собою и сделать его пред-

метом «наблюдения», нужно уметь сказать «вот – оно», «вот – нечто», «вот – то, в чем я хочу дать себе отчет» и т.п. Эти первоначальные, чисто перцептивные предложения влекут за собой целые системы новых предложений, прежде всего, по той же перцептивно-указательной форме: «это есть нечто», «это есть признак того-то», «это есть действие то-то» и т.д., а затем и всю систему предложений абстрактных, конкретных, простых, сложных и т.д., и т.д. <...> Момент облечения переживания в словесную форму и есть первый логический акт ума. Уметь наблюдать и уметь читать значит в эмпирическом познании одно и то же: уметь понимать смысл словесного знака, который указывает на соответствующую часть действительности [38, с. 228–229].

Приведенные размышления о связи мысли со словом не противоречат, а, скорее, подтверждают гетерогенез и полифонию мысли. Ведь само слово многозначно, из него «торчат пучки смыслов», а всякая не пустая мысль есть мысль о смысле. Гетерономность мысли, как и многосмысленность слова, позволяют оперировать ими в различных контекстах. Разумеется, такое оперирование должно удовлетворять требованиям языка и логики.

Обсуждая противопоставление натуралиста и историка, характеризующее обычно как «само собой разумеющееся» противопоставление наблюдателя и читателя, Г.Г. Шпет провозглашает единственно правильный, на его взгляд, принцип: «нужно наблюдать, как читают, а не читать, как наблюдают» [там же], т.е. относиться к миру, как к тексту, который мы учимся читать. «Относиться» – мало, нужно еще иметь средство преобразования мира в текст и средство, позволяющее остановить гераклитов поток, остановить переживание, зафиксировать мысль о нем, а затем и мысль о мысли. Таким средством является слово (см.: [17, 18]). И. Бродский был прав, говоря, что человек продукт своего чтения, добавлю – не только текста, но и мира. Согласно Г.Г. Шпету, чувственность и переживания не непосредственно переливаются

ся в мысль: «Эмоциональное содержание конденсируется в *смыслы* и смысловые контексты, понимаемые, интерпретируемые, мыслимые нами лишь в *своей* системе знаков. Последние, независимо от их генезиса и отношения к естественному «образу», являются подлинными знаками уже *смыслов*, – хотя и лежащих в формальной сфере самих экспрессивных структур, – т.е. подлинными *символами* экспрессивной содержательности. <...> Очевидно, что всякая символизация экспрессивного комплекса, – жеста, мимики, выражения эмоции, – устанавливается, постигается нами не через посредство симпатического понимания, вчувствования и т.п., а теми же средствами и методами, какими устанавливается всякая логическая и поэтическая символизация» [39, с. 497].

Как мы видим, Г.Г. Шпет, несмотря на идиосинкразию к объяснениям «от происхождения», все же делает существенный шаг в объяснении единства аффекта и интеллекта, о котором говорил Л.С. Выготский. Последнему принадлежит идея интеллектуализации психических функций, таких как внимание, воображение, память, чувства. Чувства не только становятся «умными», но и меняют свое место в структуре деятельности, все более сдвигаясь от ее конца к началу. Как показал А.В. Запорожец, с их помощью осуществляется не только оценка результата деятельности, но и предвосхищение успешности (или неуспешности) ее протекания. Однако такая эволюция (претворение) аффекта вовсе не обязательна. Вновь прислушаемся к «антигенетику» Г.Г. Шпету:

Генетические теории, выведившие осмысленное слово из экспрессии, много здесь напутали. Самого простого наблюдения достаточно, чтобы заметить, что развитие осмысленного словоупотребления и эмоционального окрашивания его идут независимо друг от друга и сравнительно поздно достигают согласования. Известно особое, нередко прелестное своеобразие детской речи, происходящее из употребления ребенком сильных эмоциональных речений и оценок

без тени соответствующих переживаний и без согласования со смыслом. Эмоциональная экспрессивность ребенка первое всякого словоупотребления, но *post hoc* не значит *propter hoc*, и визг, писк, ор, плач не превращается в мысль, как не превращается на ночь солнце в луну. Ребенок извивается в импульсивных движениях и жестах, но независимо от того, какого искусства он в них достигает, он начинает узнавать и называть вещи, а затем понимать и сообщать. Значительно позже с этим связывается «осмысленная» жестикуляция и эмоциональная экспрессия. Есть индивиды, вполне овладевающие импульсивными движениями и тем не менее до конца дней своих не умеющие согласовать сообщаемого с экспрессией [39, с. 282].

Итак, связь между эмоциями и словом (мыслью) возможна, более того – необходима. Как сказал О. Мандельштам:

Мы только с голоса поймем,
Что там царалось, боролось.

Остается вопрос, к которому мы обратимся ниже, как она устанавливается, как «умеют» эмоции. Пока они, как и чувственность, если верить Г.Г. Шпету, остаются лишь поводом, трамплином для мысли. Принимая (авансом) положение об интеллектуализации эмоций, мы можем предположить, что эмоции тоже влияют на интеллект, и наряду с «умными эмоциями» складывается «эмоциональный интеллект». Впрочем, последнее, как и первое, может случиться, а может и не случиться. Например, один из современников назвал В.И. Ленина «думающей гильотиной». Л. Гроссман следующим образом характеризовал персонажа романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Ставрогина, которого вполне можно считать прототипом В.И. Ленина:

Ставрогин – воплощение исключительной умственной мозговой силы. В нем интеллект поглощает все прочие духовные проявления, парализуя и обеспоживая всю его душевную жизнь. Мысль, доведенная до степени чудовищной силы, пожирающая все, что могло бы рядом с ней распуститься в духовном организ-

ме, какой-то феноменальный Рассудок – Ваал, в жертву которому принесена вся богатая область чувства, фантазии, лирических эмоций – такова формула ставрогинской личности [12, с. 450].

Вернемся к единству аффекта и интеллекта. Во-первых, такое единство – потенциальное, не всегда достигаемое, во-вторых, возможны два единства: в одном будут доминировать эмоции, в другом – интеллект. Ведь в конце концов, эмоция остается эмоцией, а интеллект – интеллектом. Об этом недвусмысленно пишет Г.Г. Шпет:

Мы имеем дело с чувственным впечатлением (*Eindruck*) в противоположность осмысленному выражению (*Ausdruck*), с со-чувством с нашей стороны в противоположность со-мышлению. Тут имеет место «понимание» совсем особого рода – понимание в своей основе без понимания, – симпатическое понимание [38, с. 212].

Но ведь понимание же, хотя и в кавычках. Однако Г.Г. Шпет и далее разделяет эмоцию и мысль, настаивая на совсем других тождествах (единствах): «<...>экспрессии и есть сами эмоции (как слово есть мысль) – для воспринимающего, во всяком случае» [там же, с. 284]. Подобное разделение есть, но одно за другое цепляется, что обеспечивает взаимодействие и взаимовлияние аффекта и интеллекта и позволяет говорить (хотя бы условно) об умных эмоциях и эмоциональном интеллекте как о единствах, в которых доминирует либо разум, либо эмоция. Возможно, эти единства (или порождающие структуры) в ходе своего развития, сосуществования и взаимодействия порождают (пробуждают?) высшее единство – Разум, который, порой, даже может одолеть рассудок. Хотя разумность Разума не следует переоценивать:

Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

А. Блок

К сожалению, только в идеале деятельность в целом и вплетенные в неё мышление и чувства не бесстрастны и не бессмысленны. Еще раз сошлюсь на авторитетное

высказывание Гёте, который видел в познании и мышлении бездны чаяния, высоту разума, подвижную стремительность фантазии, радостную любовь к чувственному. Казалось бы, гений должен заслуживать доверия, но ни он, ни другие мыслители в течение столетий не смогли поколебать классического идеала рациональности. Вопреки очевидности, неклассическая рациональность (об идеале говорить рано) с трудом пробивает себе дорогу в научном сознании. Психологам, конечно, приятно, что их коллега Дэниел Канеман получил Нобелевскую премию по экономике за доказательство, что процессы принятия решения человеком в ситуации неопределенности включают в себя механизмы (вплоть до эмоциональных и эстетических), выходящие за пределы классически рационального мышления. В этом контексте, однако, можно было бы добавить – получил вместо Б. Спинозы. Или В. Гете. Или Л. Витгенштейна. Или еще доброй сотни мыслителей, таких, как Р. М. Рильке, писавшего почти за столетие до Канемана:

Даже умные звери уже понимают,
Как наша жизнь ненадежна
В мире рассудка.

Предвосхищая дальнейшие сюжеты, отмечу важнейшую особенность человеческого мышления. Найденный человеком смысл, рожденная им мысль – объективны; точнее, они становятся объективными в актах рефлексии. В таких актах «мыслящее Я» отделяет от себя возникшую мысль и может оценивать ее как объект, как вещь, т. е. как нечто такое, что может или не может реализоваться, что подлежит оценке, в том числе и нравственной, культурной, этической. И в этом смысле рожденная мысль есть действие. Более того, мысль, вовлеченная в событие, согласно М. М. Бахтину, становится сама событийной. Событийная мысль приобретает характер «идеи-чувства», «идеи силы», которые могут быть не безобидны, как не безобидны сделанные открытия. Кто знает, если бы великие физики-атомщики своевременно прочли написанные А. Белым в 1911 г. строки:

Мир рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой,
то, может быть, ХХ столетие было бы иным?

Если всерьез отнестись к известному комплименту, что человек – это *homo sapiens*, то мы придем к не менее известному положению, что мышление и бытие – это одно. Л. С. Выготский писал:

Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и сознание, наши потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции [8, т. 2, с. 357].

По сути дела, Л. С. Выготский, идя со стороны психологии, по-своему утверждает положение о бытийности мышления и мысли. Г. Г. Шпет намного раньше говорил об укорененности смысла в бытии и соглашался с Парменидом, что «одно и то же мышление и бытие». Или Парменид говорит еще яснее: «одно и то же мышление и то, на что направляется мысль, и без сущего, в зависимости от которого высказывается мысль, ты не найдешь мышления» [40, с. 233]. Напомним, что Гегель, а за ним Э. В. Ильенков, К. Поппер утверждали тождество мышления и бытия. Об участии мышления в бытии много писал М. М. Бахтин, в аналогичном духе размышлял М. К. Мамардашвили.

И, тем не менее, рождение мысли, независимо от того, что за ней стоит, остается чудом и тайной. В. Гёте, конечно, лукавил, говоря, что мысли приходят к нему как божьи дети ... А. Эйнштейн был более откровенен: «Я не уверен, – сказал он Макс Вертгеймеру, – можно ли действительно понять чудо мышления» [7, с. 262]. Что не помешало Эйнштейну часами рассказывать психологу о тех драматических событиях, которые завершились созданием теории относительности.

Итак, с точки зрения теоретического или любого другого мышления приход мыслей есть загадка. Они могут придти отовсюду или возникнуть спонтанно. Учитывая тождество мысли и бытия, мыслью, точнее, материалом или поводом для нее может

стать что угодно: вещь, образ, представление, чувство, событие и т. п. Многое из этого не заслуживает наименования мысли, в лучшем случае – это протомысли. Хотя не забудем, что есть «ручное мышление», даже «ручные понятия», есть и образное и визуальное мышление. Во всех этих случаях мышления мы говорим о манипулировании, оперировании вещами, образами, знаками, символами и т. п. Говорим о порождении новых образов, несущих смысловую нагрузку и делающих значение видимым. Например, порождение смыслообразов двойной спирали генетического кода, бензольного кольца, планетарной модели атома (кстати, является ли такое мышление теоретическим?) и т. п. Если мысль случайна, спонтанна, то мышление, скорее всего, произвольно, оно подчинено некоторой задаче, над ним, как над действием (согласно Н. А. Бернштейну), витает смысл мыслительной задачи. Сказанное о чувственности, образе, слове, аффекте, интеллекте характеризует любое мышление как полифоническое, независимо от того, является ли оно теоретическим или эмпирическим.

Поставим в соответствии с требованием В. В. Давыдова вопрос, каковы же генетические корни мышления. Если для возникновения мысли времени не нужно (молния), или оно неизмеримо, поскольку неизвестна точка отсчета для его измерения, то для оперирования мыслями или протомыслями оно необходимо.

Начнем с того, как возможен переход от преадресованных, инстинктивных систем немедленного действия к свободным, разумным системам отсроченного действия? [21]. Для этого нужно понять, как рождается пространство: между или межсобытийное пространство. Чтобы избежать путаницы, сделаю необходимое пояснение. Необходимо различать буберовское пространство Между, например, между человеком и человеком. В этом случае Между может означать и «вместе»: слинное общение, совокупное действие, коллективно-распределенная деятельность и т. п. И есть пространство Между в индивидуальном по-

ведении и деятельности: например, временные интервалы, зазоры между восприятием и действием, намерением и действием, решением и действием и т. п.

В простейшем случае, например, решение задачи выбора должно осуществляться в интервале, в зазоре между ситуацией выбора и самим выбором. М. К. Мамардашвили называл такой интервал зазором длящегося опыта [22]. Но откуда берется зазор или особое, хронотопическое пространство между ситуацией и ответом? Или иначе. Для концептуальных схем стимул–реакция, субъект–объект не заученные, не запланированные задержки в осуществлении реакции есть беда. Для схемы Человек–Мир задержка есть благо. З. Фрейд в статье «О двух принципах психической деятельности» писал о возникновении разрыва и задержки между внутренним импульсом и его разрядкой – удовлетворением. На быденном языке можно говорить о зарождении терпения. Обратимся к самому Фрейду:

Взросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ним сознания. Сознание теперь научилось воспринимать, помимо качеств удовольствия и неудовольствия, также и качества, определяемые органами чувств. <...> Была выработана особая функция – внимание, в задачу которой входило периодически обследовать внешний мир для того, чтобы данные его наперед были известны, если появится насущная внутренняя потребность в них. <...> Теперь выделилась новая функция двигательной разрядки, служившей в период господства принципа удовольствия средством разгрузки душевного аппарата от добавочного раздражения и осуществлявшей эту задачу через направляемые вовнутрь тела иннервации (приводя к экспрессивным движениям и игре черт, а также проявлению аффекта). Двигательная разрядка теперь использовалась в процессе целесообразного изменения реальности; она превратилась в действие. <...> Ставшая необходимой

задержка двигательной разрядки (действия) осуществлялась процессом размышления, возникшим из представления идей. Мышление обрело свойства, благодаря которым душевный аппарат мог вытерпеть повышенное напряжение стимулов за время отсрочки процесса разрядки (см.: [11, с. 57–58]).

Не будем вслед за Фрейдом спешить и сразу говорить о сознании и мышлении. У. Бион [6] более осторожен. Он рассматривает способность терпеть фрустрацию как фактор, внутренне присущий личности маленького ребенка, фактор, имеющий большое значение для процесса формирования мышления и способности размышлять. Терпимость к фрустрации (начало умения «держаться паузу» и, соответственно, произвольности), согласно У. Биону, приводит в действие механизм, *модифицирующий* ее, что, в свою очередь, в случае младенца приводит к продуцированию образов и мыслей, представляющих собой «вещи в себе». Если способность терпеть фрустрацию достаточная, то, например, отсутствие материнской груди становится мыслью и развивается «аппарат для обдумывания мыслей». У. Бион предположил, что мысли существуют **изначально** и являются причиной появления аппарата манипулирования ими, называемого мышлением. В такой последовательности – сначала мысль, затем мышление – с генетической и гносеологической точек зрения есть свой резон. Беспредметное (не-бытийное) мышление невозможно. Сначала должен появиться предмет размышления. Его появление, правда, не гарантирует думания: думать трудно. (Один из героев И. С. Тургенева говорил: «Думать-то хочется, но мыслить лень».) Чтобы додумать мысль до конца, нередко нужно иметь мужество. Вообще наличие огромного числа непродуманных, не додуманных до конца, принятых на веру и осевших в сознании мыслей большой беды не представляет, но лишь до тех пор, пока они не реализуются. Замечу, что доверие, вера, неверие – это чувства, которые могут стать предметом мысли, но в мышлении о них над рацию преобладает аффект. Один из революционных

героев А. Платонова мыслил исключительно *накалом своих воспаленных чувств*.

Есть и фрустрирующие мысли, от которых человек хочет избавиться. Интересны по этому поводу размышления У. Биона. По его мнению, все объекты, в которых человек испытывает потребность, являются плохими объектами; человек нуждается в них, потому что он не владеет ими. В противном случае он не испытывал бы ощущения нехватки. Применительно к младенцу примитивные мысли или протомысли – это плохие объекты, от которых младенец стремится избавиться. Не буду далее вдаваться в изложение психоаналитических мыслей (фантазий – ?) о младенчестве, которые развивались А. Фрейд, М. Клайн, У. Бион, Д. Винникотом, Э. Эриксоном. Это особый и весьма увлекательный сюжет. Главное в нем – подчеркивание значения потребности, стремления и эмоциональной сферы – фрустрации, ее претерпевания, преодоления, переживания в развитии не только мышления, но всей психики, включая сознание. Одна из книг Биона называется «Научение через опыт переживания». Условно этот сюжет можно обозначить как сюжет Достоевского: «через страдание к сознанию». В нашей традиции об устремлении как непременном признаке жизни писал А. А. Ухтомский; об устремлении (например, растения к солнцу) и о претерпевании (как условия развития) писал П. А. Флоренский. Л. С. Выготский считал, что переживание является не только единицей сознания, но и личности, против чего возражал А. Н. Леонтьев, настаивавший на том, что сознание и личность порождают деятельность. Б. Д. Эльконин развивает идею, что претерпевание и страдание играют ведущую роль в развитии психики, в частности, в становлении опосредствующего, в том числе и умственного действия.

В 20-гг. XX в. Н. Л. Фигурин и М. П. Денисова наблюдали у 2–3-х-недельного младенца слуховое, а на 3–4-й неделе – зрительное сосредоточение. В конце первого – начале второго месяца жизни младенцев они наблюдали у них комплекс оживления. Это может интерпретироваться как начало

формирования пространства Между – между ребенком и миром, между ребенком и взрослым и одновременно с этим пространства, в котором может возникнуть «аппарат для обдумывания мыслей». Наличие дискретности поведения, деятельности, в том числе и джеймсовского потока сознания с его завихрениями и омутами подтверждается микроструктурным и микродинамическим анализом живого движения, имеющего не непрерывный, а квантово-волновой характер [9]. Подтверждается и исследованиями мышления. Решение приходит не во время ожесточенного действия, а во время его прекращения, остановки. Это верно даже для антропоидов, которых изучал В. Кёлер. Сказанное не противоречит, что само мышление есть действие, что имеется наглядно-действенное, образное, вербальное и тому подобное мышление.

Существенно, что мысль появляется во время паузы, покоя. Всё же *Служенье муз чегото там не терпит...* (И. Бродский). Д. Винникот назвал такую паузу местом отдыха (*restigs place*). Более точно назвать ее активным покоем. После появления мысли или, точнее, появление мысли может вызвать новый прилив ожесточенного действия. Аналогичные размышления возможны и относительно соотношения аффекта и интеллекта. Конечно, Л.С. Выготский был прав, говоря об их единстве. Но правы и З. Фрейд, и У. Блон, утверждавшие, что для возникновения мышления необходимо преодоление фрустрации, претерпевание ее. Аффект – плохой советчик в таком серьезном деле, как мышление. Здесь та же ситуация, что и с действием: после возникновения мысли возможен новый прилив фрустрации, аффекта. Не станем отрицать положения о единстве аффекта и интеллекта как и о единстве действия и мысли. Но оба единства весьма противоречивы. Между аффектом и интеллектом, как и между противоречивым «единством сознания и деятельности», существуют, скорее, реципрокные отношения, они осуществляются со сдвигом по фазе. Возможно, между ними существуют отношения взаимного порождения или, как минимум, взаимного

пробуждения или побуждения. Такими же можно представить себе взаимоотношения между мышлением, мыслью и действием. Дополнительным аргументом в пользу обоих рассмотренных отношений мысли к действию и к аффекту является давнее утверждение Р. Декарта, что действие и страсть – одно. В соответствии с этой максимой они совместно препятствуют мышлению, что не противоречит тому, что последнее тоже есть действие, но действие умственное.

Итак, мы определили условия возникновения пространства Между, в котором возникает (рождается) особая форма активности, направленная на создание (конструирование) «аппарата для думания мыслей». Правда, ни Фрейд, ни Блон ничего существенного, кроме того, что этот аппарат манипулирует готовыми мыслями или протомыслями, не сообщили. Спасибо и на том! Примем, что это «место» есть место зарождения особого вида активности (деятельности), направленной на создание новых динамических функциональных органов (индивида и нервной системы), о которых писали А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн и др. Если говорить в терминах культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, то это «место» есть место для создания новых психологических систем-новообразований. Конечно, к числу новых рабочих, динамических функциональных органов или новых психологических систем относится не только «аппарат для думания мыслей», не только «орган сознания, предназначенный для наблюдения за другими психическими функциями» (З. Фрейд), но и более простые функциональные органы, и психологические системы. Тем не менее, своя правда в размышлениях психоаналитиков о самом сложном имеется. Ведь, взявшись за «простое», можно обнаружить его сложность, углубиться в неё и забыть о первоначальном замысле. Например, А.В. Запорожца, в молодые годы бывшего актером, повлек в психологию интерес к сценическим эмоциям и переживаниям. Поэтому он стал учеником Л.С. Выготского. Но потом его со-

влек с этого пути А. Н. Леонтьев, вместе с которым он создавал психологическую теорию деятельности, и многие десятилетия изучал сенсорные, перцептивные, умственные действия, произвольные движения и действия *per se*. Их «простота» оказалась обманчивой, поэтому к эмоциям он обратился лишь в конце жизни. Есть еще один довод в пользу того, чтобы начинать со сложного. Ф. Энгельс в свое время сказал, что ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека.

Читатель, видимо, уже догадался, что для понимания «чуда мышления» одного мышления, даже теоретического, недостаточно. В свое время В. Келер пронзительно заметил, что интеллектуализм наиболее беспомощен в объяснении интеллекта. Приходится обращаться к познанию, к онтологии, экзистенциализму, феноменологии, анализировать (или редуцировать) опыт непосредственных переживаний, разумеется, и к рефлексии. Реже речь шла о том, что посредством рефлексии, самонаблюдения, самосознания (по крайней мере, обрывков фрагментов всего перечисленного) получен богатый спектр ответов на вопрос, что стоит за мыслью. Очевидно и то, что стоит *перед* мышлением и мыслью, т. е. перед нами. Это – мир с его неопределенностью, непредсказуемостью, тайнами и проблемами (реальными или надуманными). Найдено и «место» мышления, находящееся в молчании, в зоре дрящегося опыта, где наблюдается «активный покой» – он же и беспокойство или «вихревое движение Декарта» (А. А. Ухтомский). Дело осталось за малым – понять, что же есть самое мышление? Интуитивно ясно, что ответить на этот вопрос, не обращаясь к наблюдению, невозможно. Ясно и то, что рефлексия в ее привычном, связанном с «я» пониманием, бессильна дать на него ответ. Иначе он давно был бы известен. Выше говорилось, что подуманное больше подуманного. Казалось бы, что думание больше и шире рефлексии над думанием. Однако в этом случае не все так просто. Она и уже и шире мышления. Шире потому, что она является инструментом (не всегда осознавае-

мым) сознания и деятельности. Рефлексия же инструмент осознания идентичности «я» и вообще она – инструмент жизни, работающий как вместе с «я», так и без «я». В последнем случае мы имеем дело с процессуальной фоновой рефлексией. То есть рефлексия со всех сторон окружает мышление (и *post* и *pre*), но рефлексия с «я» не может проникнуть в его сердцевину. Видимо, это заставило А. М. Пятигорского развести понятия «наблюдения» и «рефлексии». В своих лекциях по обсервационной философии он сформулировал Постулат Наблюдения: нечто устроено как то, что наблюдается и наблюдается. Но так устроено именно нечто, а не мир и не все. <...> Нечто – это объект такого мышления, в котором нет мыслящего об этом объекте [29, с. 9, 10].

Довольно парадоксально утверждение: мыслящего «я» нет, а способность к наблюдению есть. Однако этот парадокс вполне жизненный, действительный. А. М. Пятигорский как бы десубъективирует (или депсихологизирует) *умственную активность*. И вместе с этим он пишет, что «наблюдение», с одной стороны, уже предполагает совершенной, пусть неосознанно, какую-то рефлексия в отношении чувственного (да и любого другого) восприятия наблюдаемого объекта, а с другой – предполагает определенное интенциональное состояние наблюдающего» [29, с. 19]. Сказанное о «неосознанной, какой-то рефлексии» не в меньшей, если не в большей мере относится к действию, в котором тоже без «я» происходит сравнение текущего движения с требуемым, в последнем, несомненно, присутствуют интенция и смысл. А. В. Запорожец писал, что действие оказывается «умным» вовсе не потому, что им руководит какой-то высший и посторонний ему интеллект. По поводу подобных имеющих в психологии наблюдений и фактов мы с М. К. Мамардашвили писали, что это «оно» работает, а не «я», что субъективность есть реальность, независимая от познания ее, от того, где, когда и кем она познается [24]. К такой «объективной живой субъективности» относится и неосознаваемая, фоновая

рефлексия. И как таковая она не поддается «языку внутреннего», и несмотря на это, она уже подвергнута объективному исследованию. Суть ее (выраженная в терминах А. М. Пятигорского) состоит в следующем. Чувственность может рассматриваться как «нечто», что наблюдается и наблюдает. Аналогичным образом живое движение тоже может рассматриваться как «нечто», что исполняется и наблюдает. Результаты одного и другого наблюдения окажутся бесполезными, если они не будут иметь отношения к интенциям, задачам и смыслу поведения, деятельности, действия. Фоновая рефлексия – это не просто сведение непосредственных показаний чувственности к ситуации и ее возможного развития и чувственности к движению и возможностей его осуществления в одно, в чувство могу, успею, совладаю. Такому сведению предшествует извлечение (конденсация) смысла каждого из этих разных видов «наблюдений». Именно столкновение извлеченных смыслов порождает смысловую санкцию (или запрет) на продолжение действия или на изменения его направления, усилий, темпа и других черт. Интуитивно это приемлемо и не может вызвать возражений. Поразительно, что подобное сравнение и сведение в одно происходит несколько раз в секунду при выполнении даже простых движений [10]. Регуляция «простого» акта – перцепции или исполнения – чудовищна по своей сложности, так как предметом такого акта сведения – сравнения – оценки – смысловой санкции предстоящего действия являются временные и пространственные приметы актуальной ситуации и собственные возможности действия в ней (с ней, над ней). При этом актуальность включает в себя прошлое и будущее, т. е. пространственно-временную прямую и обратную перспективу. Понятый таким образом акт неосознаваемой процессуальной фоновой рефлексии одновременно является актом чувственной интуиции, содержащий в себе зачатки интуиции интеллектуальной.

Неподвластность фоновой рефлексии, будь она в перцепции, в действии или в

мышлении, «языку внутреннего», не противоречит возможности присутствия в таких актах постулированного А. М. Пятигорским «внутреннего наблюдателя» (не путать с сомнительным мифом об «Абсолютном наблюдателе»). Такого «внутреннего наблюдателя» А. М. Пятигорский условно обозначил как «Reflex Z» – это рефлекс без «я», он *не-личностен*, а, скорее, *вне-личностен*. В Рефлексе Z держатся вместе три аспекта мышления: мыслящий, мышление и мыслимое. М. К. Мамардашвили (еще до «изобретения» его другом А. М. Пятигорским Рефлекса Z) неоднократно подчеркивал необычайную трудность (почти невозможность) держания в мысли всех трех аспектов такого мышления. Я затрудняюсь ответить, является ли такое мышление теоретическим, может быть, это какое-то «сверх-мышление», остающееся до сих пор не проницаемым для исследования. Оно изредка может случаться, что уж тут говорить о его формировании. Однако путь к его пониманию – это путь даже не столько теоретический, сколько философский, правда, не лишенный прагматики, прежде всего рефлексивной. Закljučая разговор о рефлексии, приведу полезное для психологического анализа мышления положение А. М. Пятигорского о том, что рефлексия не только необходима для думания о думании, она ему предшествует. Само мышление он рассматривает как эпифеномен рефлексии, что я склонен считать формой его «философического» кокетства. Более существенно расширение автором Постулата Наблюдения: мышление *как мыслимый объект относится к таким объектам, в условиях существования которых входит мышление о них* [29, с. 149–150]. М. О. Гершензон назвал мысли, струящиеся в потоке самосознания, «обоюдозрячими». Значит, думание о думании не эпифеномен и не только условие возможного познания мышления, а условие его существования. Разумеется, А. М. Пятигорский говорит и о мышлении второго рода, которое не включает в себя мысль о мышлящем. М. О. Гершензон говорил, что это мысль с глазами только наружу, но не внутрь. Однако это не

мешает участию в таком мышлении неосознаваемой, «неответчивой» или фоновой рефлексии без «я». Именно такая уже «осмысленная» чувственность, в том числе и чувственность живого движения, которую можно назвать «интуитивной рефлексией» или «рефлексивной интуицией», может стать поводом и трамплином для мысли.

Ни та ни другая рефлексия не может помочь ответить на вопрос о корнях мышления. Заглядывание внутрь самого себя, внутрь своей души или своего мышления имеет свои пределы. Человек значительно более отчетливо видит свою душу, вкладывая ее в другого или в дорогое ему дело. Так же и мышление: больше видит себя не в себе, а в своих результатах. Сейчас меня больше интересует не полнота наблюдаемости мышления за мышлением, а то, что рефлексия не может выявить корни мышления, ответить на вопрос: откуда оно? Этот же вопрос остается в силе, даже если мы признаем фоновую рефлексия таким корнем или зачатком мышления. Мы ведь и рефлексия и мышление связали с зазором дрящегося опыта. Но в зазоре они *появляются*, а не *возникают*. А если опыта еще нет? Возможно ли вообще усвоение опыта без мышления? Не прав ли был О. Мандельштам, сказавший:

И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Не может ли к этим *чертам* относиться мышление или, по крайней мере, мысль, о предшествовании которой мышлению писал У. Бион? Здесь полезны размышления А. М. Пятигорского, что знание и мышление пока остаются в разных мирах:

Есть один момент этики, относящийся к знанию: я не могу винить никого в том, что он чего-то не знает. Но я могу его винить в том, что он о чем-то не думает. Ведь я могу знать о чем-то не думая об этом ни мгновения, но могу думать о чем-то всю жизнь и не достичь знания об этом объекте. <...> Именно поэтому, с точки зрения этики, а не только семантики, «мыслить» гораздо ближе к «хотеть» или «мочь», чем «знать» [29, с. 158].

Автор достаточно категорически утверждает, что «мышление не может, иначе чем крайне гипотетически, ни отождествляться с процессом знания, ни, менее всего, выводиться из уже достигнутого знания» [там же]. Замечу, что на этом различии основана вся система развивающего обучения Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова. Для дальнейшего полезно еще одно различие, которое обсуждает А. М. Пятигорский:

является ли мышление мыслительным действием (mental action) или мыслительным событием (mental event)? Я думаю, что это не просто разные выражения для одного и того же, но что эта альтернатива указывает разницу в смыслах. «Действие» может имплицировать вопросы «чье?» или «кого?», то есть опять же отсылает нас к «мыслящему», каковая отсылка необязательно предполагается словом «событие» [29, с. 143–144].

Не менее существенное различие состоит в том, что событие, а особенно событие мысли, случается чаще всего спонтанно, а мыслительное действие, как и любое другое, подчинено задаче, намерению, обладает чертами произвольности и т. п. И, как действие, оно, правда, с трудом поддается формированию. П. Я. Гальперин, П. И. Зинченко, В. В. Давыдов и Д. Б. Эльконин *через* формирование различных умственных действий вели учащихся к запоминанию и усвоению знаний. Меня же интересует возможность доопытного события мысли, т. е. заботившая В. В. Давыдова проблема «корней» и начала. Нельзя сказать, что это проблема совершенно новая. Странно только, что В. В. Давыдов сочувственно приводит оценку Л. С. Выготским концепции Ж. Пиаже:

Для Пиаже показателем уровня детского мышления является не то, что ребенок знает, не то, что он способен усвоить, а то, как он мыслит в той области, где он никакого знания не имеет. Здесь самым резким образом противопоставляется обучение и развитие, знание и мышление [8, т. 2, с. 227].

В. В. Давыдов соглашается с этой оценкой [13, с. 80]. Но ведь именно на этом про-

тивопоставлении основана его идея развития теоретического мышления. Если оно не готово решать беспрецедентные задачи, зачем оно нужно? Думаю, что имеет смысл прислушаться к другому ходу мысли. Г. Г. Шпет [37], П. А. Флоренский [30], М. Хайдеггер [33], В. В. Биbihин [4] ставили во главу угла не обучение, не развитие, а наличие у человеческого младенца «интелигибельной интуиции», «принимающего бытийного понимания», чувства «могу-мыслю-понимаю», словом, наличие доопытной готовности овладения словом и культурой. Все перечисленные авторы писали о невероятном, несопоставимом по своей глубине с рефлексами и инстинктами богатстве этого недифференцированного начала и связывали его с единством рождения и принадлежностью к человеческому роду (см. более подробно: [16]; [18]). Главным в доопытной готовности является шпетовская до-логическая интелигибельная (понимательная) интуиция, которая затем под влиянием развития и обучения становится чувственной и интеллектуальной. Равновеликим понятию интелигибельной интуиции является введенное А. А. Ухтомским понятие интуиции совести, которую он рассматривал как таинственный и судящий голос внутри нас, собирающий унаследованные впечатления от жизни рода. Вне интуиции, какой бы она ни была, невозможно никакое мышление. Но то же самое можно сказать и о рефлексии, будь она осознаваемой или неосознаваемой. Характеризуя литературное творчество, Г. Г. Шпет писал:

Начиная с момента выбора сюжета и до последнего момента завершения творческой работы, стилизующая фантазия действует спонтанно, однако каждый шаг здесь есть вместе и рефлексия, раскрывающая формальные и идеальные законы, методы, внутренние формы и пр., усвоенного образца [39, с. 487].

Рефлексию в контексте спонтанного творчества следует понимать как особую смысловую санкцию, относящуюся к адекватности замыслу формы и содержания шагов творчества. В этой санкции присутствует эмоциональный компонент, подоб-

ный мандельштамовской удовлетворенности, равной чувству исполненного приказа. Значит, сознание посредством обеих форм рефлексии не отпускает творческие акты, будь они опосредованными или непосредственными, с короткого поводка. Иное дело, как побуждающие, регулирующие, санкционирующие функции рефлексии отражаются в самом сознании. Нередко процессуальная фоновая рефлексия чувства порождающей активности «творца» персонафицируется и осознается как своя собственная активность либо выступает под именами Музы, Донны, Лауры, Беатриче, с которыми поэты связывают источники духовных порывов и вдохновения.

Возвращаясь к проблеме корней мышления, добавим к до-опытной и до-логической интелигибельной интуиции способность к неосознаваемой рефлексии, порождающей чувства «понимаю», «могу», «хочу». В итоге мы получим некоторое первичное интегральное (синкретическое) образование, своего рода симптомо-комплекс, в котором в недифференцированной пока еще форме присутствуют праформы всех классических атрибутов души – познания, чувства и воли. Их дифференциация на отдельные психические функции, акты обязана вековым усилиям философов и психологов. Когда в результате этой работы душа испарилась, а познание, чувство и воля (в психологии) перестали узнавать друг друга, настало время собирать камни. Попытки собрать разделенное наново получили название пути к неклассическим формам рациональности. Возможно, напоминание об их истоках облегчит продвижение по этому пути. Обращу внимание читателя, что возможной иллюстрацией (не более того) движения по этому пути может служить настоящий текст. В нем была сделана попытка осмыслить и соединить философские, поэтические, психологические и психоаналитические представления о познании и действии, значении и смысле, интуиции и рефлексии, мышлении и переживании. Все это богатство соединяется в актах мышления и мысли, происходящих в зазорах длящегося

опыта. Движение по этому пути, возможно, приведет нас к пониманию микроструктуры и микродинамики творческого акта.

Трудно сказать, удовлетворил ли бы В. В. Давыдова проделанный мною анализ поисков генетически исходных основ или корней мышления? Скорее всего, да! Ведь он сам в конце жизни стремился выйти за пределы *логической* характеристики мышления, в том числе и теоретического, и, как бы продолжая традиции Л. С. Выготского и А. В. Запорожца, все чаще обращался к образам, воображению, переживаниям и аффектам. Все эти феномены в той или иной степени характеризуют интуицию, являющуюся не переменным признаком любого мышления, в том числе и теоретического. Обращался он и к проблематике сукцессивности-симультианности. Последняя наблюдается не только в перцепции, но и в мышлении. Симультианность (одноактность) есть внешнее проявление чувственной и интеллектуальной интуиции. Думаю, что последователям теории и практики развивающего обучения следует уделять внимание не только рефлексии, но также интуиции.

Сегодня на Западе раздаются голоса, что нынешнюю эпоху уже недостаточно характеризовать как эпоху перемен. Уже на-

ступила или вот-вот грядет эпоха перемен. На усвоение каждой из них уже нет времени, поэтому многократно возрастает роль интуиции по сравнению с традиционно размеренным темпом обучения. Конечно, остаются вопросы, возможно ли обучение интуиции, и если да, то как его организовать. Но это уже сюжет для другого рассказа.

Несколько слов в заключение. Я не уверен, что В. В. Давыдов с коллегами формировал у школьников именно теоретическое мышление, но то, что он стремился и достигал того, чтобы у его питомцев разум преобладал над рассудком, – это не вызывает сомнения. Думаю, что в таком преобладании заключено полифоническое ядро теоретического мышления. Не будем забывать, что Разум преследует свой интерес, который состоит в «ограничении спекулятивного безрассудства» (И. Кант). Не вызывает сомнения и то, что сам В. В. Давыдов в полной мере обладал теоретическим мышлением, которое у него самого хорошо сочеталось с эмпирическим. Без этого Д. Б. Эльконину и ему не удалось бы построить систему развивающего обучения, которая существует поныне и продолжает интересно и успешно развиваться.

Литература

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
2. Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
3. Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2005.
4. Бибихин В. В. Мир. Курс, прочитанный на философском факультете МГУ весной 1989 года. СПб., 2007.
5. Бибихин В. В. Язык философии. М., 1993.
6. Бийон Уилфрид Р. Научение через опыт переживания. М., 2008.
7. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1967.
8. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982–1984.
9. Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.
10. Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6.
11. Гринберг Леон, Сор Дарио, Табак де бьянчеди Элизабет. Введение в работы Биона: Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика. М., 2007.
12. Гроссман Л. Достоевский. М., 1965.
13. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
14. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999.
15. Зинченко В. П. Готовность к мысли // Вопросы психологии. 2005. № 4.
16. Зинченко В. П. Доопытная готовность овладения словом и приобщения к культуре // Культурно-историческая психология. 2010. № 2.
17. Зинченко В. П. Мысль и слово: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета // Точки – Puncta, 2003. № 3–4.
18. Зинченко В. П. Мысль и слово: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современные проблемы гуманитарного знания. М., 2006.
19. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики (психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова). М., 2002.
20. Зинченко В. П. Саморазвитие духа (памяти друга) // Вопросы психологии. 1998. № 5.
21. Зинченко В. П. Теоретические проблемы психологии восприятия // Инженерная психология. М., 1964.
22. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
23. Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. М.-Воронеж, 2002.
24. История одной конференции, рассказанная В. В. Давыдовым Жаку Карпею 13.06.94 // Культурно-историческая психология. 2005. № 1.
25. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М., 1997.
26. Мандельштам О. Слово и культура. Разговор о Данте. Статьи. Рецензии. М., 1987.
27. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». М., 1977.
28. Петров М. К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., 2006.
29. Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. Рига, 2002.
30. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990.
31. Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней и др. М., 1992.
32. Франк С. Л. Живое знание. Берлин, 1923.
33. Хайдеггер М. Исток художественного творчества. Избранные работы разных лет. М., 2008.
34. Цукерман Г. А. Условия развития рефлексии у шестилеток // Вопросы психологии. 1989. № 2.
35. Цукерман Г. А. Идея рефлексивного развития как ценностное основание психологии учебной деятельности // Первые чтения памяти В. В. Давыдова. Рига-М., 1999.
36. Цукерман Г. А. Развитие рефлексии посредством обучения // Психология развития / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М., 2005.
37. Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. редактор-составитель Т. Г. Щедрина. М., 2006.
38. Шпет Г. Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005.
39. Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007.
40. Шпет Г. Г. Философские этюды. М., 1994.

Theoretical and / or Polyphonic Thinking

V. P. Zinchenko,

*Ph.D. in Psychology, Professor, Institute of General Secondary Education of RAE,
Department of General and Experimental Psychology, State University –
Higher School of Economics*

The article is devoted to the 80th anniversary of the prominent psychologist and educator – V. V. Davydov, who (together with D. B. Elkonin) has developed psychological base and pedagogical practices of the developing education. The main focus of the elaborated program was the development of theoretical thinking and the formation of readiness to thought and the ability for conceptual thought among school children. The article is an attempt to apply conceptualizations developed by V. V. Davydov to the analysis of thinking as such. The greatest attention is given to reflection and intuition.

Keywords: thinking, thought, feeling, intelligent emotions, emotional intelligence, intuition, reflection.

References

1. *Adamar Zh.* Issledovanie psihologii processa izobreteniya v oblasti matematiki. M., 1970.
2. *Bahtin M.M.* Raboty 20-h godov. Kiev, 1994.
3. *Bibihin V.V.* Aleksej Fedorovich Losev. Sergej Sergeevich Averincev. M., 2005.
4. *Bibihin V.V.* Mir. Kurs, pročitannyj na filosofskom fakul'tete MGU vesnoj 1989 goda. SPb., 2007.
5. *Bibihin V.V.* Jazyk filosofii. M., 1993.
6. *Bion Ulfrid R.* Nauchenie cherez opyt perezhivaniya. M., 2008.
7. *Vertejmer M.* Produktivnoe myshlenie. M., 1967.
8. *Vygotskij L.S.* Sobranie sochinenij: V 6 t. M., 1982–1984.
9. *Gordeeva N.D.* Jeksperimental'naja psihologija ispolnitel'nogo dejstvija. M., 1995.
10. *Gordeeva N.D., Zinchenko V.P.* Rol' refleksii v postroenii predmetnogo dejstvija // Chelovek. 2001. № 6.
11. *Grinberg Leon, Sor Dario, Tabak de b'janchedi Jelizabet.* Vvedenie v raboty Biona: Gruppy, poznanie, psihozy, myshlenie, transformacija, psihoanaliticheskaja praktika. M., 2007.
12. *Grossman L.* Dostoevskij. M., 1965.
13. *Davydov V.V.* Problemy razvivajushhego obuchenija. M., 1986.
14. *D'jui Dzh.* Psihologija i pedagogika myshlenija. M., 1999.
15. *Zinchenko V.P.* Gotovnost' k mysli // Voprosy psihologii. 2005. № 4.
16. *Zinchenko V.P.* Doopytnaja gotovnost' ovladenija slovom i priobsheniya k kul'ture // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2010. № 2.
17. *Zinchenko V.P.* Mysl' i slovo: podhody L.S. Vygotskogo i G.G. Shpeta // Tochki – Puncta, 2003. № 3–4.
18. *Zinchenko V.P.* Mysl' i slovo: podhody L.S. Vygotskogo i G.G. Shpeta (prodolzhenie razgovora) // Gustav Shpet i sovremennye problemy gumanitarnogo znanija. M., 2006.
19. *Zinchenko V.P.* Psihologicheskie osnovy pedagogiki (psihologo-pedagogicheskie osnovy postroenija sistemy razvivajushhego obuchenija D.B. Jel'konina – V.V. Davydova). M., 2002.
20. *Zinchenko V.P.* Samorazvitie duha (pamjati druga) // Voprosy psihologii. 1998. № 5.
21. *Zinchenko V.P.* Teoreticheskie problemy psihologii vosprijatija // Inzhenernaja psihologija. M., 1964.
22. *Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K.* Problema ob'ektivnogo metoda v psihologii // Voprosy filosofii. 1977. № 7.
23. *Il'enkov Je.V.* Shkola dolzhna učit' myslit'. M.-Voronezh, 2002.
24. Istorija odnoj konferencii, rasskazannaja V.V. Davydovym Zhaku Karpeju 13.06.94 // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2005. № 1.
25. *Mamardashvili M.K.* Kantianskie variacii. M., 1997.

26. *Mandel'shtam O.* Slovo i kul'tura. Razgovor o Dante. Stat'i. Recenzii. M., 1987.
27. *Ortega-i-Gasset H.* Razmyshlenija o «Don Kihote». M., 1977.
28. *Petrov M.K.* Filosofskie problemy «nauki o nauke». Predmet sociologii nauki. M., 2006.
29. *Pjatigorskij A.M.* Myshlenie i nabljudenie. Chetyre lekcii po observacionnoj filosofii / Riga, 2002.
30. *Florenskij P.A.* U vodorazdelov mysli. T. 2. M., 1990.
31. *Florenskij Pavel*, svjashennik. Detjam moim. Vospominanija proshlyh dnei i dr. M., 1992.
32. *Frank S.L.* Zhivoe znanie. Berlin, 1923.
33. *Hajdegger M.* Istok hudozhestvennogo tvorenija. Izbrannye raboty raznyh let. M., 2008.
34. *Cukerman G.A.* Uslovija razvitija refleksii u shestiletok // Voprosy psihologii. 1989. №2.
35. *Cukerman G.A.* Ideja refleksivnogo razvitija kak cennostnoe osnovanie psihologii uchebnoj dejatel'nosti // Pervye chtenija pamjati V.V. Davydova. Riga-Moskva, 1999.
36. *Cukerman G.A.* Razvitie refleksii posredstvom obuchenija // Psihologija razvitija / Pod red. T.D. Marcinkovskoj. M., 2005.
37. *Shpet G.G.* Philosophia Natalis. Izbrannye psihologo-pedagogicheskie trudy / Otv. redaktor-sostavitel' T.G. Wedrina. M., 2006.
38. *Shpet G.G.* Mysl' i slovo. Izbrannye trudy. M., 2005.
39. *Shpet G.G.* Iskusstvo kak vid znanija. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury. M., 2007.
40. *Shpet G.G.* Filosofskie jetjudy. M., 1994.